

Леонид Андреев

Два письма

Леонид Андреев

Два письма

«Public Domain»

1916

Андреев Л. Н.

Два письма / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1916

«Вы хотели объяснения, и вот оно. Я знаю, вам станет холодно и больно, вы будете плакать весь нынешний вечер, а может быть, и завтра – но мне не жаль вас, нет. Вы слишком молоды, чтобы стоило вас жалеть. Молодо ваше сердце, молод смех и молоды слезы, и я не могу вас жалеть, не упрекайте меня в сухости. У одной молодой особы, подобной вам, я видел письмо, подобное моему – или в этом роде, – и на письме были следы ее слез. И на том же письме был другой поздний след: кружок от чашки кофе, которое любила пить молодая особа... и знаете, сколько лет прошло между горькими слезами и уютным кофе? Один год. Один год, моя дорогая...»

Содержание

I. Все приходит слишком поздно	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Леонид Николаевич Андреев

Два письма

I. Все приходит слишком поздно

Вы хотели объяснения, и вот оно. Я знаю, вам станет холодно и больно, вы будете плакать весь нынешний вечер, а может быть, и завтра – но мне не жаль вас, нет. Вы слишком молоды, чтобы стоило вас жалеть. Молодо ваше сердце, молод смех и молоды слезы, и я не могу вас жалеть, не упрекайте меня в сухости. У одной молодой особы, подобной вам, я видел письмо, подобное моему – или в этом роде, – и на письме были следы ее слез. И на том же письме был другой поздний след: кружок от чашки кофе, которое любила пить молодая особа... и знаете, сколько лет прошло между горькими слезами и уютным кофе? Один год. Один год, моя дорогая.

Теперь вы верите, что я устал? Только усталые так равнодушны к молодым слезам, к целому году красивого молодого траура; только у них так тяжела холодная рука. Мертвец не замахивается и не дерется, но падение его вялой руки тяжелее удара. Да, я устал. Вчера, когда вы стучались в мою дверь, я был дома, один, в темноте, и не спал. И я слышал ваш голос и шуршание вашего милого платья... Я почти слышал печальный и испуганный стук вашего сердца, бывшего о немую закрытую дверь. Но я не встал и не открыл вам, и с таким же успехом вы могли бы стучаться в надмогильный камень: отсюда не выходят. Нет, это не та усталость потрудившегося, за которую вы так нежно упрекали меня, отнимая работу, это не сон утомленной силы, покой перед движением: это усталость всей жизни, и за всю жизнь, тяжелый покой после движения, холодный коридор, в конце которого дверь Смерти. Будто сразу навалились на меня все прожитые года, будто за один час я сделал все мои шаги, которыми шагал по округлости земли, написал все мои картины, испытал все печали и радости моего бурного бытия. Сердце не хочет биться, вы понимаете, дорогая? Устало каждым биением своим, как башенные старые часы, по которым слишком долго узнавалось время.

Бывают такие дни у уставших. Сегодня я уже двигаюсь, и глаза мои желают смотреть, подсматривают красоту облаков, а рука уже тянется к кистям, и натянутый холст кажется соблазнительным. Что делать глазам, как не смотреть? Что делать руке, как не работать? И сегодня я уже заходил в парикмахерскую, – о, сколько работы будет у кауферов в день воскресения мертвых! – и мой Жан правильно заметил, по окончании обряда: «Вот вы и помолодели». Да, я помолодел, глаза мои лгут светло и ясно, и весь я, как цыганская лошадь на ярмарке, восторгающая покупателей своим бравым видом; и нужен очень злой и очень внимательный взгляд, чтобы заметить тень смертельной усталости на этом мирно сияющем лице. Выразусь поэтически: всю ночь среди цветов спала змея, но кто наутро догадывается об этом?

И постучись вы сегодня, я, пожалуй, слишком поспешно открыл бы дверь; и снова весь долгий вечер успешно обманывал бы вас и себя, бога и людей, смерть и любовь. Вы помните нашу прогулку, когда я, опережая вас, таким молодцом взбежал на очень высокий бугор? Задыхаясь от перебоев сердца – для стариков очень опасны такие эксперименты, – я ждал наверху лавров из ваших рук, как греческий юноша на ристалище, но вы даже не заметили моей прыти, для вас это было так естественно! Конечно, это было непроходимо глупо, и сегодняшняя моя ложь была бы искуснее, я уже чувствую во рту ее сладкий, хлороформенный, наркотический вкус. Я говорил бы о моих будущих картинах. Как модный тенор на свидании фальцетом напевает арийки, – что делать тенору, как не петь? – я фальцетом писал бы картины, сверкал глазами, вдохновлялся и лгал людям и бегу, как последний пройдоха. Чтобы согреть ваши милые и детски мудрые глаза, я готов стать гением на целый час! Но это простое мошенничество,

мой друг, простое мошенничество. Я не гений. Какие картины? Я больше никаких картин не напишу.

Я устал. Не говорите это моим покупателям на базаре, мне еще нужно дотянуть рабочий день... но я ужасно устал. Все слишком поздно приходило в моей жизни, и не гневайтесь, моя дорогая, не плачьте, моя девочка: мне не нужна ваша любовь. И как хорошо, что о ней не сказано было ни слова и проклятое семя лжи не возшло: какие это были бы ужасные, презренные цветы! Дорогая моя, я все видел. Вот уже месяц – или больше? – вы мучительно ищете предлога и минуты, чтобы открыться мне и сказать: люблю. Вот уже месяц я, как искусный донжуан и как самый негодный трус, наслаждаюсь видом этой борьбы, подталкиваю вас, внушаю жестами гипнотизера еще большую любовь, подвожу к самому краю – и со страхом бегу, просто-напросто удираю. Волосы поднимаются на моей голове, мне трагически страшно, ибо гонят меня Эвмениды, но бег у меня мелкой трусцой, как у жалкого карманника, которого преследует полиция. Вы заметили, что в начале каждого нашего вечера говорите вы, а я молчу, к концу же я болтаю, как одержимый болтливостью, как резонер в дурной пьесе, а вы молчите, растерянная, немая, печальная, не знающая, за что схватиться в этом море слов? И так, молчащую, я выпроваживаю вас за дверь, лицемерно задерживаю вашу руку, холодную от печали и недоумения, и поспешно запираюсь: на сегодня я спасен. Вы тотчас же уходите от двери, или еще стоите? Я уйду тотчас же. Но на той неделе – вы помните? – я минут десять стоял перед этой дурацкой дверью, за которую сам только что выпроводил мое последнее, но слишком, слишком запоздавшее счастье. Кажется, впервые понял я, что такое *дверь*, когда минут десять посмотрел на ее освещенную плоскость; и, услышь я вздох ваш... Нет!

Все приходит слишком поздно.

Мой поезд отходит только утром, чемоданы упакованы и ящик с красками далеко, и мне нечего делать всю ночь: крайне удобный случай для последней вспышки резонерства. Послушайте, что это значит. Когда я был мальчиком лет семи или восьми, я до страсти любил мятные дешевые пряники, продававшиеся на нашей глухой улице, в маленькой лавчонке; назывались они почему-то «жамками», и на копейку их давали две штучки. И не знаю я, почему у меня никогда не хватало копеек, чтобы наесться досыта: родители мои были в ту пору не бедны и ни в чем другом я не терпел недостатка, но на жамки у меня всегда не хватало. Конечно, это было маленькое безумство, детская мания. Но помню мои мечты о жамках и черную зависть к тем, кто их ел; помню их необыкновенный вкус и вид, эту тоненькую известковую корочку, мягко ломавшуюся под пальцами, помню мое томление о миллионе жамок, целой горе пряников! Вероятно, я ел их много, но мне хотелось еще больше, еще больше; и до сих пор, через многие десятки лет, мой голод остался неудовлетворенным. Вы понимаете это? Я могу купить этот миллион жамок, и иногда я, правда, покупаю фунт или два, – и их съедает прислуга: этих мне не надо, эти чужие, и вкус их мне не знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.